

Из выступления депутата Национального собрания Б. Шмерала в Палате депутатов по поводу чехословацкой политики в отношении Советской России

Прага

20 октября 1921 г.

Славная палата депутатов!

Нас очень удивило, что программное заявление правительства о направлениях внешней политики оказалось столь необычайно лаконичным. Г-н председатель Совета министров Бенеш так связан с внешней политикой, а внешняя политика так связана с внутренней политикой и всем будущим развитием государства, что не может быть и речи о настоящем контроле политики до тех пор, пока не будет установлен контроль над основным — над внешней политикой. И с этой точки зрения мы считаем необходимым в первую очередь задать вопросы, которые могли бы объяснить отношение нынешнего правительства и в особенности председателя Совета министров к Франции. Я говорю конкретно о Франции, не говоря о всей Антанте в целом, потому что уже давно у меня сложилось впечатление, что г-н д-р Бенеш является французским любимцем *par excellence*. Это впечатление усилилось, когда мы увидели заботу, проявленную, например, парижской «Тан» в статье от 11 сего месяца о новом составе правительства. На чем основаны эти сердечные отношения? Мы не верим, что лишь на заслугах перед Францией во время мировой войны. Современная политика не столь сентиментальна и чувствительна. Должны быть актуальные политические причины, по которым во Франции сохраняется столько любви к г-ну д-ру Бенешу. Каковы эти причины? И тут мы обязаны, создавая традицию политической линии нового государства, очень серьезно подумать, до какой степени может страна, с таким географическим положением, с таким национальным составом, специализироваться на выполнении задачи, из-за которой Франция главным образом и интересуются нами. До какой степени единственной идеей нашего государства может быть идея служить форпостом против Германии. Сентиментальности нет места среди больших государств. Но и небольшие освобожденные нации не могут жить только благодарностью, они должны учитывать условия своей собственной жизни. Мы не обязаны постоянно служить только опорой мировой великодержавной системы Франции, да мы и не хотим этого. Мы не хотим позволить увлечь себя на путь, на который привели бы нас односторонние французские интересы и который завел бы нас к очень неприятному соучастию в решении горносилезского вопроса. Рабочий класс Чехословакии не в состоянии далее выносить чрезмерной и односторонней зависимости от Франции, особенно теперь, когда он в соответствии с духом нации все больше теснит свою внутреннюю реакцию, олицетворением которой в последнее время в Европе стала Франция. Я не берусь утверждать, что г-н д-р Бенеш не отдавал себе в этом отчета. Мы критически следим за его внешней политикой и от нашего внимания не ускользнуло, что он иногда в некоторых деталях показывает стремление освободиться из круга односторонности и сделать самостоятельный шаг. Но как только дело доходит до какого-нибудь существенного вопроса, то мы как будто связаны неизвестными обязательствами, мы

как будто связаны по рукам и ногам. Мы протестуем против того, чтобы стать — даже если об этом прямо не говорится, — вместе с Румынией и Польшей орудием односторонней французской политики, которая привела бы нас к искусственным, не соответствующим собственным интересам нашей страны противоречиям с Германией и Россией, которая навязала бы реакционный курс против рабочего класса в нашей стране, усложнила бы отношения с нашими гражданами немецкой национальности и была бы в конце концов своим тайным острием направлена и против Англии.

Поймите, господа, что, с нашей пролетарской точки зрения, нас больше всего интересуют отношения с Советской Россией. В этой связи заявление правительства не рассеивает наших опасений. Что означает выжидательная политика, которую г-н д-р Бенеш хочет проводить по отношению к России? Означает ли это ждать решения Франции? Сейчас мы ведем конкретные переговоры с поляками. Заключим ли мы с Польшей соглашения, которые не будут усиливать весной военные тенденции против России, или под влиянием Франции произойдет обратное? Не удивляйтесь, что мы недоверчивы. Мы не забываем, что еще в прошлом году при польско-русском конфликте Франция хотела и нас заинтересовать в этой войне, и, хотя до крайностей дело не дошло, тем не менее нейтралитет не был сохранен. Через нашу территорию провозилось оружие. Мы, коммунисты, конечно, ничего не имеем против соглашения с Польшей, мы за то, чтобы путем соглашений решались все спорные международные вопросы, хотя знаем, что это невозможно при капиталистической системе. Но мы опасаемся, что договор, который заключает правительство и о котором так подозрительно беспокоится «Тан», будет направлен своим острием против России, осложнит наши отношения с Россией. Когда председатель Совета министров Бенеш говорил о договоре с Польшей, почему вместо обтекаемых фраз, он прямо и определенно не сказал, что одновременно мы хотим, наконец, наладить нормальные дипломатические и экономические связи с Москвой? Никто не может изменить нашего впечатления, что переговоры с Польшей ведутся под руководством Франции, что французское правительство, которое осмелилось оказывать давление на Польшу и Румынию (нота от 3 сентября)¹, вдруг уже потеряло интерес к нашим переговорам с Польшей? Не ясно, была ли французская нота от 3 сентября попыткой вмешательства или же только более широким маневром, шантажом Советской России с целью признания старых долгов, но во всяком случае она является доказательством того, в какие опасные ситуации Франция может поставить маленькие государства, которых она считает от себя зависимыми. Ибо граница такого шантажа, игры с войной и настоящей войной бывает очень скользкой и никто не может предвидеть, куда в конце концов такая тактика может завести. Тем более, что французская попытка 3 сентября была обращена к кругам Пилсудского и политически самым легкомысленным людям, каких только можно найти в Польше или в Румынии, где эта попытка проводилась с людьми, подобными Таке Ионеску, этим старым и давно известным прямым французским агентом, далеко не только из идеальных побуждений. Несмотря на опровержение, которое было опубликовано французским правительством по поводу его шага от 3 сентября, несмотря на отрицательный ответ Бриана нашему французскому товарищу Кашену, мы тем не менее категорически заявляем, что наша информация правильна. Все офи-

циальные опровержения, касающиеся этого дела, являются искажением действительности. Не только нота от 3 сентября существует в таком виде, как она была предана гласности, но правдой также является и все то, что первой написала «Манчестер Гардиан», а именно, что когда нажим французского правительства встретил сопротивление в Варшаве со стороны тогдашнего польского правительства, оно стремилось преодолеть это сопротивление самым грубым вмешательством во внутренние политические дела Польши, другими словами, свершить насилие над польским правительством. Когда ему это не удалось, оно сбросило правительство Витоша (конечно, оно разыграло это за кулисами) и попыталось установить военную диктатуру. Только то обстоятельство, что между двумя главными партиями, служащими Франции, произошел спор по поводу кандидата в диктаторы, народные демократы хотели посадить диктатором своего генерала Галлера или старого царского генерала Довбор-Мусницкого, приверженцы Пилсудского в свою очередь предлагали своего человека, только поэтому дело пока не дошло до установления диктатуры в Польше. В каком же это соотношении с правительственным заявлением? *De te fabula narratur!* Эти факты показывают, что никакое направление внутренней политики невозможно без его основы, определенного курса внешней политики. Зависимость во внешней политике должна вести к зависимости во внутренней политике.

В своем вмешательстве во внутренние дела Польши Франция зашла так далеко, что пресловутая милитаризация железнодорожных служащих во время железнодорожной забастовки произошла по прямому настоянию французского посла Поматье *. Не должны ли мы в этой связи предположить французское влияние во всем том, что предпринимается против коммунистов в Югославии, в Румынии, в том, что сообщили о чрезвычайных мерах в Польше новый председатель Совета министров Пониковский и министр внутренних дел Довнарлович, и не должны ли мы по аналогии предполагать французское влияние и у нас? Действует в пражском полицейском управлении наряду с президиумом также отдел французской миссии или нет? Я не хочу преувеличивать и обобщать. Я констатирую, что в области внешней политики Франции не удалось до сих пор превратить Малую Антанту в такое слепое орудие своих интересов, какое ей хотелось иметь, в частности, я констатирую, что на путь интервенции против России д-р Бенеш не позволил себя увлечь. В этом случае он проявил большую самостоятельность и определенную прозорливость, учел силу рабочего класса в нашем государстве. Однако наблюдается тем больше признаков того, что он абсолютно подпадает под влияние Франции в отношении установления нормальных и юридически оформленных экономических и дипломатических отношений с Россией, а также преследования рабочего движения внутри страны.

Г-н д-р Бенеш сознает, что формула «выжидания» должна восприниматься друзьями Советской России как синоним недоброжелательности. Он пытался смягчить это впечатление тем, что сейчас же заговорил о своем вкладе в дело международной помощи голодающим в России. Простите, господа, если я скажу, что развитие взгляда правительства на этот вопрос также ни в коем случае не может нас успокоить. Я являюсь членом международного комитета по оказанию помощи

---

* Очевидно, ошибка в стенограмме. Имя французского посла в Польше Г. де Поматье.

России, членом которого являются также Барбюс и другие пользующиеся международной известностью лица и поэтому имеют возможность следить за всеми деталями международной кампании. И тут я должен признать, что имеется большое различие между той пылкостью, с которой г-н председатель Совета министров д-р Бенеш принял участие в этой кампании вначале, той позицией, которую занимали тогда представители Чехословакии в Женеве и в Брюсселе², и той ослабленной активностью, с которой сейчас проводится эта государственная кампания у нас в стране. Опять напрашивается логическое объяснение, что г-н председатель Совета министров, хотя и попробовал сделать самостоятельный шаг, но сейчас же попятился назад, как только ему угрозили пальцем из Парижа. При своем первом официальном разговоре с представителями четырех рабочих партий теперешний председатель Совета министров д-р Бенеш имел уже готовый план большой государственной кампании по оказанию помощи, в которую должна была включиться вся государственная администрация и в которой, что нам казалось особенно показательным, он хотел идти так далеко, что намеревался предстать перед парламентом с просьбой о предоставлении денежных кредитов. Смелость, с которой он намеревался официально выразить эту точку зрения перед парламентом и Антантой, меня удивила и я оценил ее, что нашло свое выражение в газетной заметке.

Что же произошло с той недели великого первоначального плана до сегодняшнего дня, почему весь первоначальный энтузиазм погас? Для всего капиталистического мира стал вопрос о голоде в России первостепенным политическим вопросом. У всех капиталистических стран возникло единое желание, но одновременно между ними возникла острая конкуренция, с целью проникнуть в Россию, под прикрытием помощи подорвать Советскую власть, которую не удалось сломить вооруженной интервенцией, завладеть Россией экономически и превратить ее огромную территорию в колонию для эксплуатации иностранными капиталистическими трестами. Возможно, что такого сильного эгоизма от крупных капиталистических держав г-н д-р Бенеш сам не ожидал, возможно, он так же, как и мы, понимает, к каким трагическим результатам приведет, если Россия не получит крупной международной помощи, но все нынешние действия правительства говорят о том, что его покинул первоначальный энтузиазм. Я ставлю конкретный вопрос и надеюсь, что если на него не будет возможности ответить сейчас, то ответ будет дан хотя бы в дискуссии по вопросу о бюджете: какова была наша точка зрения на заседании Лиги наций в Женеве, какие инструкции имел чехословацкий представитель на конференции в Брюсселе? Были ли мы на стороне Нансена или же мы шли с Францией и со всей международной капиталистической реакцией против Нансена? Несем ли мы, как орудие, вину за бесстыдную конкурентную борьбу, которая развернулась внутри концерна великих капиталистических держав за монополию проникновения в Россию, или нет? Было ли это единичным явлением, или мы были связаны с этим через Малую Антанту, ведь наиболее остро выступил против Нансена, против какого-либо предоставления кредита сербский делегат Спалайкович, представитель государства, с которым мы связаны по Малой Антанте и с которым выступаем совместно в международной политике? Я не люблю употреблять сильные выражения, но, памятуя ужасные страдания, которые испытывают голодающие русские районы, я не

нахожу для характеристики позиции сербского делегата другого слова, чем быстыдство! Располагает ли наше правительство хотя бы такой степенью свободы, чтобы ответить публично, что оно не разделяет взглядов сербского делегата? Хотя в последние недели мы снова наблюдаем пока еще неясные маневрирования Англии, хотя на поддержку Нансена к всеобщему удивлению почему-то не встали английские делегаты, а только Роберт Сесиль, как представитель Южной Африки, Спалайкович пошел дальше английской тактики, которая ныне в отношении России по неясным еще причинам надела на себя менее доброжелательную маску. Спалайкович выступил не только против каких бы то ни было кредитов, он хотел одновременно сурового осуждения советского режима и только, как он выразился, из «уважения к лорду Фишеру», английскому делегату, который так далеко заходить не захотел, он отказался от этой демонстрации.

Означает ли это, что такова точка зрения всей Малой Антанты? Означает ли пассивность и молчание чешского правительства, его страх, что его скомпрометируют не только большевики, но теперь и Нансен то, что оно разделяет взгляды Спалайковича или нет? Наше недоверие усиливается также в связи с поведением нашего представителя в Брюсселе. Двусмысленное фальшивое решение, которое там было принято, по своему характеру таково, что даже честная либеральная газета «Манчестер Гардиан» выразилась о нем, как об апогее цинизма. Но зачем так далеко ходить за примерами. «Дейли Кроникл» является английской правительственной газетой. Это личный орган Ллойд Джорджа, и эта газета в передовой статье от 10 октября пишет о брюссельской конференции следующей: «Решение этой конференции в действительности равняется отказу от какой бы то ни было практически солидарной совместной с частными организациями помощи. Отказ был произведен в форме представления условий, о которых было заранее известно, что они не могут быть выполнены». «Дейли Кроникл» пишет далее, что результат брюссельской конференции является «серьезным разочарованием для всех гуманных людей» и что «путь, по которому пошла брюссельская конференция, никуда не ведет, ее безрезультатность очевидна». Какая же тайная игра начинается снова? В последнее время мы вообще в области взаимных переговоров между Англией и Францией стали очевидцами одной из самых сложных, самых завуалированных дипломатических игр, которые допускают не два, а целых восемь решений, и ни одно из них не гарантирует окончательного результата.

Может ли д-р Бенеш заявить, что мы стоим и останемся в стороне от этих действий, истинный окончательный смысл которых ему самому не может быть точно известен? Может ли д-р Бенеш заявить, что мы в этом деле не будем валять дурака? Что не эти маневры и интриги втянули нас на скользкий путь ответственности за решения, связанные с Восточной Силезией, что мы не позволим, чтобы эти маневры оказали влияние на нашу русскую политику, и что мы лучше всего ответим на них и докажем свою самостоятельность заключением торгового договора и установлением дипломатических отношений с Россией?

Голод в России поставил русскую проблему во всей ее широте, при этом речь идет одновременно о политических судьбах Европы. Должны ли мы быть по отношению к России так же циничны, как цинична была в Брюсселе во имя своих до сих пор неясных целей

английская политика, которая при помощи своих делегатов проводила решение, которое тотчас же на другой день в «Дейли Кроникл» правительственной газете, демаскировала свое лицемерие и разоблачала свою жестокость! Или же это в соответствии с линией высокой славянской политики помогать французским капиталистам вымогать у бедного голодающего славянского народа миллиарды в счет старых долгов и превращать Россию в колонию? Если для великих держав является верхом цинизма проводить такую политику, которая сегодня проводится по отношению к России, то было бы верхом комизма, если бы маленькие государства превратились в марионеток, участвуя в игре, всех махинаций которой они даже не знают. Скажу вам, что я был искренне удивлен, когда десять недель тому назад г-н председатель Совета министров д-р Бенеш рассказывал нам о своем плане оказания государственной помощи России и дал понять, что намерен идти так далеко, что потребует от парламента финансовых средств на кампанию помощи. И тем сильнее сегодня наше разочарование, и тем сильнее должно быть наше недоверие, когда мы видим, как быстро было наложено некое невидимое вето на дело помощи, и как она саботируется и, собственно говоря все только делают вид, что она существует. Вместо нее начинает набирать силу поддерживаемая государством и личными визитами председателя Совета министров морально усиливаемая кампания помощи русской контрреволюционной эмиграции в Праге.

«Těsнопisecké zprávy o schůzích poslanecké sněmovny Národního shromáždění, I; volební období 88. schůze». Praha, 1921, str. 166—177.

Перевод с чешского.

- ¹ Имеется в виду сообщение в печати о французской ноте от 3 сентября 1921 г., имевшей целью усилить антисоветское и интервенционное направление политики правительств Польши и Румынии. Хотя правительства Польши и Франции заявили, что такой ноты не существовало, нет сомнений в том, что внутри правящих групп этих стран имелись влиятельные силы, выступавшие за интервенцию, и что они сотрудничали друг с другом.
- ² Брюссельская конференция, на которой обсуждался вопрос о помощи голодающим в России, состоялась в начале октября 1921 г. В ней приняли участие представители Англии, Франции, Бельгии, Италии, Германии и других государств. Представители капиталистических государств сообщили затем Советскому правительству, что они окажут помощь только при условии признания им довоенных долгов России и принятия других условий, фактически означавших ликвидацию социалистического строя.

406

Договор между правительствами РСФСР и Чехословакии об эвакуации в Чехословакию 600 детей из голодающего Поволжья

[4 ноября 1921 г.] *

Российское и чехословацкое правительства, совместно обсудив вопрос о возможности эвакуации в Чехословакию 600 детей из голодающего Поволжья и технику этой эвакуации, договорились о нижеследующем:

* Датируется по копии, хранящейся в ЦГАОР СССР (ф. 1064, оп. 6, д. 21, лл. 42—43).